

СТАТУСНО-БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УСПЕХА РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ²

В последние годы конкуренция среди российских университетов, ведущих подготовку по экономике, усиливается. Вузы-лидеры этого рынка определяются на основе академического рейтинга, основанного на учете публикационной активности образовательных учреждений в ведущих экономических изданиях страны. В статье показано, что проведенное рейтинговое исследование обладает признаками объективности. Автор предлагает индекс административного потенциала университетов, который позволяет раскрыть природу успеха вузов-лидеров. Анализируется механизм трансфера административных статусов вуза в творческие успехи его сотрудников.

Ключевые слова: университеты, рынок, рейтинги, статус, бюрократия, успех, индекс.

1. Введение: обострение конкуренции.

В последнее время в России осуществляются активные действия по выводу университетской системы на качественно новый уровень. Эти усилия воплощаются в двух регулятивных линиях. Первая сопряжена с массивной финансовой поддержкой передовых вузов страны для их дальнейшего усиления и возможного вхождения в число лучших университетов мира; этот посыл конкретизируется стремлением страны «вести», по крайней мере, пять вузов в топ-100 глобальных рейтингов университетов. Вторая линия сопряжена с экономией бюджетных средств и сокращением финансирования всех «остальных» вузов страны. Тем самым правительством взят курс на выращивание «национальных чемпионов» университетского сектора экономики.

Такая политика является своеобразным ответом на надувшийся образовательный пузырь, который, начиная с 2009 г., начал сдуваться. Так, с 1990 по 2008 гг. число ву-

зов увеличилось в 2,2 раза, а численность студентов – в 2,7 раза. Параллельно с экстенсивным ростом сектора наблюдался рост среднего размера вузов, который за указанные годы вырос на 20 % [10]. Тем самым рынок студентов расширился, множилось число производителей образовательных услуг, а сами вузы становились все мощнее. В 2009 г. надувшийся образовательный пузырь лопнул, после чего началось стремительное сжатие университетского сектора (табл. 1).

Начавшийся коллапс системы высшего образования набирает обороты и знаменует собой новый этап в развитии отрасли. Фактически до 2009 г. шло чисто количественное наращивание мощностей высшей школы, тогда как после этого года началась качественная трансформация накопленного потенциала с выявлением лидеров рынка.

Взятый курс на выращивание «национальных чемпионов» запустил механизм селекции вузов и интенсифицировал межвузовскую конкуренцию. Начался процесс так называемой оптимизации вузов, который приводил к их закрытию, слияниям и поглощениям. В обострившейся конкурентной борьбе перед образовательными структурами встала задача построения модели успеха, которая гарантировала бы им попадание в разряд привилегированных

¹ Балацкий Евгений Всеволодович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Государственного университета управления, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН; e-mail: evbalatsky@inbox.ru.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-02-00169а).

учреждений. Сегодня можно говорить, что эта модель действительно сложилась; ниже мы попытаемся ее «расшифровать» и дать ее институциональную характеристику.

2. Академическая результативность вузов экономического профиля. Министерство образования и науки (МОН) РФ использует свои процедуры и алгоритмы для определения лучших вузов страны, которые могут претендовать на дополнительное финансирование. Между тем существуют более содержательные и менее бюрократические способы идентификации университетов-лидеров. Как правило, для этого используются специальные рейтинги. Сошлемся на подобное исследование относительно российских вузов, занимающихся экономическими исследованиями. Для этого был построен специальный Академический рейтинг (АР), учитывающий число публикаций вузов в ведущих российских научных изданиях экономического профиля.

Логика и идеология такого подхода воплощаются в трех тезисах: в ведущих научных журналах страны формируются основные *научные тренды*; кто *доминирует* на страницах этих изданий, тот и определяет научные тренды; кто определяет научные тренды, тот и обеспечивает более качественное образование в соответствующей области. Более подробное аргументирование и обоснование такого подхода приведено в [4]; Top-100 АР, охватывающий 12 журналов и ранжирующий 177 вузов страны, приведен в [2].

Результаты выполненного рейтингования приведены в табл. 2, в которой для кра-

тости представлены лишь первые 20 высших экономических школ России.

Указанный подход позволил выявить лучшие вузы страны в рамках экономического направления. Отталкиваясь от когорты университетов-лидеров можно попытаться проанализировать модель их успеха. Однако предварительно необходимо осуществить верификацию полученных рангов, сопоставив их с другими лидерскими качествами вузов.

Первым тестом в этом отношении является сравнение результатов ранжирования по внутреннему (российскому) и внешнему (англоязычному) научным полям. Если АР отражает ситуацию в российском научном пространстве, то первое приближение по зарубежным изданиям в области экономики дает специальный рейтинг REPEC. Сравнение двух рейтингов приведено в табл. 3. Изначально можно было предположить, что результаты двух рейтингов будут несопоставимы. Однако оказывается, что это далеко не так. Например, пять вузов из первой десятки по версии АР попадает в дюжину университетов-лидеров по методике REPEC. Таким образом, примерно 50 % состава первой десятки вузов АР являются «двойными» лидерами как по российским, так и по международным критериям. Следовательно, и сам АР вполне удовлетворительно «ловит» содержательные результаты научной работы вузов. Остальные расхождения можно «списать» на различную специализацию вузов: некоторые ориентируются преимущественно на международные стандарты, некоторые – на российские.

Таблица 1

Динамика вузовского сектора России

Годы	Число вузов		Численность студентов		Средний размер вуза, тыс. чел.
	ед-цы	в процентах к 2008 г.	тыс. чел.	в процентах к 2008 г.	
1990–1991	514	45,3	2824,5	37,6	5,5
2008–2009	1134	100,0	7513,1	100,0	6,6
2013–2014	969	85,4	5646,7	75,2	5,8

Таблица 2

Академический рейтинг российских вузов (2010–2012 гг.)

№	Университет	АР, в процентах
1.	Высшая школа экономики (ВШЭ)	100,0
2.	Московский государственный университет (МГУ) им. М.В. Ломоносова	83,0
3.	Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)	76,5
4.	Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ	74,1
5.	Финансовый университет (ФУ) при Правительстве РФ	71,5
6.	Государственный университет управления (ГУУ)	63,0
7.	Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ)	58,9
8.	Российский экономический университет (РЭУ) им. Г.В. Плеханова	52,9
9.	Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)	49,3
10.	Новосибирский государственный университет (НГУ)	47,3
11.	Южный федеральный университет (ЮФУ)	38,5
12.	Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина (УрФУ)	38,2
13.	Российский государственный социальный университет (РГСУ)	37,8
14.	Новосибирский государственный технический университет (НГТУ)	37,3
15.	Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ)	33,6
16.	Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)	32,3
17.	Волгоградский государственный университет (ВГУ)	32,3
18.	Кемеровский государственный университет (КемГУ)	31,9
19.	Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (НижГУ)	27,1
20.	Российский университет дружбы народов (РУДН)	26,2

Таблица 3

Сравнительные характеристики вузов в академическом рейтинге и REPEC-2013

Университет	Место в АР	Место в REPEC
ВШЭ	1	2
МГУ	2	5
МГИМО	3	–
РАНХиГС	4	12
ФУ	5	–
ГУУ	6	–
СПбГУ	7	–
РЭУ	8	–
СПбГУ	9	8
НГУ	10	9

Вторым тестом в отношении АР выступает сравнение его первой десятки вузов-лидеров с вузами-лидерами двух общероссийских экономических конгрессов, которые были проведены Новой экономической ассоциацией в 2009 и 2013 гг. соответственно. Данные годы являются «окаймляющими» годами для анализируемого рейтинга, составленного на основе данных 2010–2012 гг. Если перечень вузов, являющихся наиболее активными участниками двух конгрессов (т. е. давших наибольшее число участников названных мероприятий), примерно совпадает с перечнем вузов первой десятки АР, то можно говорить о работоспособности самого рейтинга. Мы полагаем, что Российский экономический конгресс (РЭК) может служить в качестве масштабного репрезентативного мероприятия, на площадке которого вузы эффективно «проверяются» на наличие и дееспособность их научных школ в области экономики. Рейтинг активности вузов на площадке РЭК приведен в табл. 4.

Как оказывается, список лидеров по участию в двух РЭК хорошо коррелирует со списком лидеров из топ-10 в АР. Так, например, 8 из 10 вузов-лидеров АР фигурируют в рейтинге РЭК. При этом выпали из этого

списка СПбГЭУ, РЭУ и РАНХиГС, однако среди лучших докладов молодых ученых, вышедших в финал, фигурируют как раз РАНХиГС и РЭУ. Таким образом, 9 из 10 вузов из топ-10 академического рейтинга проявили себя на РЭК с самой лучшей стороны. Подобное 90-процентное совпадение лидеров в двух списках представляет собой очень хороший качественный результат. Данный факт свидетельствует о том, что АР в целом правильно отражает состав вузов-лидеров, а сам их список является вполне объективным и относительно стабильным.

Третьим тестом в отношении АР может служить такой репутационный показатель, как средний балл ЕГЭ поступающих в вузы. Если общественная репутация вузов, отраженная в рейтинге ЕГЭ, сильно расходится с данными АР, то это свидетельствует о серьезной ошибке либо в установках рыночных агентов, либо в методологии самого АР.

В табл. 5 приведены данные по двум рейтингам для первых 15 вузов-лидеров АР. Несложно видеть, что данные двух списков довольно хорошо согласуются. Для более точной диагностики двух массивов вузов нами рассчитывался коэффициент корреляции между скорингами АР и ЕГЭ-рейтинга.

Таблица 4

Распределение вузов-лидеров академического рейтинга по числу участников РЭК

Университет	Первый РЭК (Москва-2009)			Второй РЭК (Суздаль-2013)		
	Число участников, чел.	Рейтинг, в процентах	Место в рейтинге	Число участников, чел.	Рейтинг, в процентах	Место в рейтинге
ВШЭ	148	100,0	1	142	100,0	1
МГУ	112	75,6	2	53	37,3	2
СПбГУ	19	12,8	6	22	15,5	3
ФУ	56	37,8	3	20	14,1	4
МГИМО	10	6,7	10	7	4,9	8
ГУУ	15	10,1	8	6	4,2	9
РЭУ	17	11,5	7	Н/Д	–	–
НГУ	10	6,7	10	Н/Д	–	–

Значение коэффициента корреляции оказалось достаточно большим – 0,76. При этом оно является значимым: расчетная величина *t*-статистики равна 4,20 и превышает критическое значение 3,01 при уровне значимости 0,005 (односторонний критерий). При выборке в 20 вузов фактический коэффициент корреляции составляет 0,679, что превышает критическое его значение 0,678 при уровне значимости 0,001. Тем самым корреляция между ЕГЭ и АР проявляется для разного размера ядра вузов-лидеров. Таким образом академические успехи вузов-лидеров хорошо согласуются с общественными представлениями об их «образовательной популярности» и надежности. Данный факт лишней раз подтверждает непротиворечивость АР.

Четвертым тестом в отношении АР может служить такой интересный показатель репутации и популярности университетов, как число их упоминаний в социальных сетях. Так, по данным агентства Integrum.ru, за период 16.03.2014 –

16.04.2014 было зафиксировано 96,5 тыс. сообщений о вузах в социальных сетях [14], [8]. Лидеры блогосферы приведены в табл. 6³, из которой видно, что перечень университетов-лидеров опять-таки повторяется и относительно стабилен⁴. Расчеты показали, что коэффициент корреляции между скорингами АР и рейтинга упоминаний университетов в социальных сетях (РУУСС) по массиву из 12 вузов составил

³ В табл. 6 используется дополнительная аббревиатура вузов: Московский физико-технический институт (МФТИ), Московский энергетический институт (МЭИ), Московский инженерно-физический институт (МИФИ), Томский государственный университет (ТГУ), Томский политехнический университет (ТПУ), Московский государственный технический университет (МГТУ) им. Н.Э. Баумана, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет (СПбГПУ).

⁴ Следует отметить, что на сайте Integrum.ru происходит онлайн-обновление рейтинга, в связи с чем имеют место постоянные рокировки вузов. Такие флуктуации, как правило, не приводят к принципиальным смещениям оценок, хотя места в рейтинге претерпевают небольшие изменения.

Таблица 5

Сравнительные характеристики вузов в академическом рейтинге и ЕГЭ-рейтинге (2012 г.)

№	Университет	Скоринг АР, в процентах	Рейтинг ЕГЭ	
			Баллы	Скоринг, в процентах
1.	ВШЭ	100,0	86,4	93,6
2.	МГУ	83,0	84,6	91,7
3.	МГИМО	76,5	92,3	100,0
4.	РАНХиГС	74,1	80,7	87,4
5.	ФУ	71,5	81,6	88,4
6.	ГУУ	63,0	71,1	77,0
7.	СПбГЭУ	58,9	71,8	77,8
8.	РЭУ	52,9	82,6	89,5
9.	СПбГУ	49,3	83,3	90,2
10.	НГУ	47,3	76,8	83,2
11.	ЮФУ	38,5	70,3	76,2
12.	УрФУ	38,2	66,5	72,0
13.	РГСУ	37,8	68,8	74,5
14.	НГТУ	37,3	70,7	76,6
15.	КФУ	33,6	71,3	77,2

0,72. Данное значение является значимым: расчетная величина *t*-статистики равна 3,24 и превышает критическое значение 3,17 при уровне значимости 0,005 (односторонний критерий)⁵. Тем самым академические успехи вузов-лидеров хорошо согласуются с их общественной популярностью среди молодежи социальных сетей. Следовательно, четвертый тест еще раз подтверждает работоспособность AP.

Подводя итоги, можно констатировать, что AP позволяет вполне объективно и обоснованно определить состав вузов-лидеров среди высших экономических школ России. Данный момент является исходной точкой для дальнейшего анализа модели успеха этих вузов.

3. Эффект отсутствия рыночной самодостаточности российских вузов. Более глубокий анализ сложившейся модели

⁵ Из состава выборки были выброшены такие вузы, как МЭИ, МИФИ и МГТУ, в связи с тем, что в этих технических вузах экономические школы слабо представлены.

лидерства российских вузов подводит к пониманию того, что они, строго говоря, не являются *самостоятельными рыночными агентами*. Все они в значительной степени ориентируются на административные маркеры, генерируемые правительственными структурами. Рассмотрим некоторые проявления данного факта.

1. *Отказ от индивидуальных университетских инициатив.* Разработанный AP несет в себе большой имиджевый потенциал. Например, за рубежом действует практика, в соответствии с которой подобные рейтинги разрабатываются одним из ведущих (но не самым лучшим!) в своей области знания университетов. Как правило, такому университету общественность доверяет подобное рейтингование, а сам университет приобретает дополнительную известность и популярность благодаря предоставлению общественности ежегодных данных о состоянии соответствующего рынка.

Например, в Голландии Университет Тилбурга с 2004 г. готовит ежегодный рей-

Таблица 6

Сравнительные параметры вузов в AP и в РУУСС (2014 г.)

Университет	Скоринг в AP, в процентах	Упоминания в социальных сетях	
		Единицы	Скоринг, в процентах
ВШЭ	100,0	3790	100,0
МГУ	83,0	3269	86,3
МГИМО	76,5	3206	84,6
СПбГУ	49,3	2169	57,2
НГУ	47,3	1984	52,3
УрФУ	38,2	1888	49,8
РАНХиГС	74,1	1426	37,6
МФТИ	19,2	1035	27,3
ТПУ	19,1	929	24,5
МГТУ	–	737	19,4
СПбГПУ	19,6	295	7,8
ТГУ	13,7	178	4,7
ФУ	71,5	69	1,8
МЭИ	–	65	1,7
МИФИ	–	30	0,8

тинг топ-100 *Tilburg University Economics Ranking*, где фигурируют лучшие вузы в области экономики; в США с 1990 г. Университет Техаса в Далласе готовит рейтинг *The UTD Top 100 Business School Research Rankings*, в котором выявляются лучшие бизнес-школы; с 1990 г. в США Университет Аризоны готовит рейтинг *ASU Finance Rankings*, в котором ранжируются лучшие вузы в области финансов [6]. В России таких рейтингов пока нет. Первой попыткой создания таковых выступает АР, разработанный и апробированный группой исследователей при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Однако все попытки разработчика наладить сотрудничество с каким-либо ведущим вузом России для дальнейшего ежегодного составления АР потерпели неудачу.

В частности, выяснились следующие интересные моменты. Во-первых, вузы гораздо больше интересуются не своими объективными академическими результатами, а своими позициями в глазах профильных правительственных структур (МОН РФ и пр.). Во-вторых, представители университетов явно недооценивают свои позиции на рынке. Так, проректор ГУУ гипотетически определил место своего вуза в 4-й десятке АР, тогда как реально он занял 6-е место; проректор РЭА определил свой вуз на 30-е место, в то время как он был на 8-м. Тем самым администраторы плохо ориентируются в научных достижениях подопечных им вузов. Более того, они склонны необоснованно преуменьшать свои собственные заслуги. В-третьих, ни один из обследованных вузов в лице своей администрации не верит в свой авторитет и не считает, что его университетский рейтинг может быть воспринят общественностью всерьез. Над ректорским корпусом довлеет мнение, что любая университетская инициатива рынком игнорируется, если только она не подкреплена каким-либо дополнительным коллективным авторитетом. Предлагаемый АР должен либо получить официальный статус со стороны МОН РФ,

либо быть поддержан Ассоциацией ведущих университетов (АВУ) России или, например, Ассоциацией федеральных университетов. Все представители ректората вузов, с которыми имел дело разработчик АР, практически сразу высказывали идею о «прикрытии» АР со стороны АВУ. В индивидуальных инициативах университетские администраторы видят еще и реальную опасность, ибо их авторский рейтинг может, например, прийти в противоречие с существующей оценкой МОН РФ, что вызовет недовольство со стороны вышестоящих правительственных структур. Соответственно большинство индивидуальных университетских инициатив «захлебывается»; право на такие остается только у самых привилегированных субъектов рынка, например, у ВШЭ, которая, впрочем, тоже получает на них одобрение со стороны властных структур.

2. *Синдром персонификации вуза в лице его ректора.* К настоящему времени на российском рынке высшего образования уже фактически сложился синдром персонификации вуза в лице его руководителя. Сегодня позиция университета и личность ректора неразрывно связаны: если ректор является «сильной» фигурой, то и вуз, как правило, процветает; отчасти действует и обратная зависимость – в хороший вуз приходит «сильный» ректор. При этом сила вуза напрямую определяется силой ректора. Под силой руководителя университета понимается его политический вес и административные связи «наверху».

Подобная система приводит к тому, что на ректорских позициях оказываются высокопоставленные чиновники и политики (табл. 7)⁶. Причем здесь действует следующий кадровый круговорот: чиновник (по-

⁶ В табл. 7 используется дополнительная аббревиатура вузов: Московский институт стали и сплавов (МИСиС), Московский государственный индустриальный университет (МГИУ), Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ), Институт радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА).

литик) берет в свои руки только заведомо хороший, перспективный вуз, как правило, с богатой историей, хорошей репутацией и солидными перспективами; со своей стороны сильный ректор использует свои личные связи, чтобы выбить для вуза особый статус, повышенный бюджет и выгодные проекты, что еще больше усиливает вуз. Таким образом, возникает эффект взаимного усиления позиций ректора и вуза. Именно такие университеты впоследствии оказываются лидерами научно-практического рейтинга, учитывающего заработки вузов по линии НИР [5].

Заметим, что сегодня уже довольно четко обозначился и водораздел между «сильными» и «слабыми» ректорами. «Слабый» ректор, являющийся, как правило, самовыдвиженцем, часто заинтересован в личном обогащении, но при этом он не в состоянии что-либо дать вузу – он вышел из недр вуза, и у него нет мощных внешних связей. Такая модель руководства является деструктивной: вуз со временем слабеет, а ректор – богатеет. Иными словами, личные интересы ректора и коллективные интересы работников университета не совпадают, если не сказать, что принципиально расхо-

дятся. «Сильный» ректор, наоборот, приходит извне и, обладая связями «наверху», может добыть для вуза хорошее финансирование, что позволяет университету выйти на новые рубежи, в том числе в оплате труда профессоров; следовательно, у организации возникает возможность повысить качество кадров, обучения и исследовательской работы.

Сегодня есть вузы, которые нельзя представить вне его ректора. Например, ВШЭ неразрывно связана с личностью Я.И. Кузьмина, который является основателем и идеологом вуза на протяжении всей его истории. Сегодня трудно представить РАНХиГС вне фигуры В.А. Мау; РУДН на протяжении многих лет ассоциируется с фамилией В.М. Филиппова. Вместе с тем справедлива та же связь и со «слабыми» ректорами. Например, ГУУ на протяжении 5 лет имел слабого ректора А.М. Лялина, который в конце концов был отстранен от должности; во время правления А.М. Лялина разыгрался коррупционный скандал с проректором по экономике; в дальнейшем имиджу ГУУ был нанесен сокрушительный удар, когда был обнаружен очередной коррупционный скандал с ректором

Таблица 7

Административный ресурс ректорского корпуса вузов России

Университет	Ректор	Административный ресурс ректора до выборов
МИФИ	М.Н. Стриханов	Заместитель директора департамента МОН РФ
МИСиС	Д.В. Ливанов	Заместитель министра МОН РФ
ЮФУ	М.А. Боровская	Заместитель директора департамента МОН РФ
ГУУ	В.А. Козбаненко*	Директор департамента Министерства здравоохранения и социального развития РФ
РЭУ	В.И. Гришин	Председатель Комитета Государственной Думы РФ
РУДН	В.М. Филиппов	Министр образования РФ
МГИУ	В.И. Кошкин	Начальник управления Федерального агентства по образованию
ДВФУ	С.В. Иванец	Заместитель министра МОН РФ
СКФУ	А.А. Левитская	Директор департамента МОН РФ
МИРЭА	С.А. Кудж	Директор департамента МОН РФ

*экс-ректор в отличие от остальных ныне действующих ректоров.

В.А. Козбаненко. После этих случаев ГУУ фактически попал в черный список, получил еще одного «слабого» ректора В.В. Година и окончательно потерял свой авторитет.

Забегая вперед, укажем, что подобная персонификация российских вузов является их важной отличительной чертой по сравнению с университетами развитых стран. Так, согласно Д. Нортгу, одним из фундаментальных преимуществ экономической культуры Запада является *система обезличенного обмена* [9, с. 190]. Такая система колоссально сократила транзакционные издержки и повысила эффективность всех деловых операций. Сегодня похожий процесс разворачивается в сфере дистанционного образования, где происходит тотальная *деперсонализация взаимодействий* субъектов – студенты, преподаватели и администраторы могут заключать и выполнять контракты, не видя друг друга и не приходя друг с другом в непосредственный контакт. В этом смысле российский синдром слияния личности ректора и бренда университета представляет собой движение против общемирового тренда. Не исключено, что это характеристика ранней стадии становления рынка высшего образования,

основанного на модели государственного капитализма.

3. *Стремление вузов к интеграции с ведомствами.* По-настоящему сильные российские университеты стремятся участвовать в мегапроектах, в которых задействованы самые статусные государственные органы власти и самые влиятельные корпорации. Наверное, одним из наиболее ярких примеров такой кооперации могут служить созданные в стране экспертные центры по проблемам ВТО. Первый из них был создан в соответствии с распоряжением Правительства РФ № 78-р от 28.01.2014, второй – в соответствии с распоряжением Правительства РФ № 136-р от 04.02.2014 (табл. 8).

Из табл. 8 несложно видеть, что указанные центры были образованы с участием самых «сильных» экономических вузов страны (ВШЭ и РЭУ), которые вступили в альянс с самыми мощными банками и достаточно влиятельными федеральными министерствами. В настоящее время обсуждается создание еще одного подобного центра в сфере сельского хозяйства. При этом уже давно на роль соучредителя в этом проекте претендует ФУ и другие привилегированные вузы страны. Данный вопрос оконча-

Таблица 8

Участие ведущих вузов России в макроэкспертных проектах

Экспертный центр	Участники (соучредители)		
	Ведомство	Банк	Университет
Центр экспертизы по вопросам ВТО (28.01.2014)	Министерство экономического развития РФ	Сбербанк России	Высшая школа экономики
Информационно-аналитический центр по вопросам внешнеторговой деятельности (04.02.2014)	ГК «Ростехнологии»; Министерство промышленности и торговли РФ	«Газпромбанк»	Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Центр по вопросам ВТО (проект)	Министерство сельского хозяйства РФ	«Россельхозбанк»	Российский государственный аграрный университет; Российская академия сельскохозяйственных наук

тельно не решен, но сам факт закулисной административной борьбы вузов за право укрепить свои связи с ведущими банками и министерствами страны является симптоматичным.

Создание указанных центров ВТО является знаковым явлением. Дело в том, что можно было бы вполне резонно предположить, что коли существует потребность в экспертной деятельности и такие эксперты есть в означенных вузах, то эти вузы и должны были бы создать соответствующие центры, которые обслуживали бы рыночные потребности соответствующих отраслей экономики. Однако такая простая схема не проходит. Глубинная причина этого в том, что российские вузы не готовы и просто не могут работать в нестабильной рыночной среде. Гораздо удобнее, когда профильное министерство и государственная корпорация выступают в роли генерального заказчика, «скидывающего» вузу весь массив возможных сделок на эксклюзивных условиях; в этом случае никакие конкуренты не могут «отнять» выгодные заказы. Понятно, что такое монопольное положение на рынке заказов по проблематике ВТО позволено только избранным университетам, которые властными структурами априори признаются самыми «крутыми». При этом гарантиями адекватного финансирования всех сделок выступают соответствующие банки, которые в данном случае служат для вузов своеобразным прикрытием от возможных рыночных рисков. Фактически можно утверждать, что даже ведущие университеты страны не способны самостоятельно работать на рынке консультационных услуг, в связи с чем они и кооперируются с банками и министерствами. По сути дела, экспертные центры ВТО – это псевдорыночный способ заработка вузов, который приводится в действие сложной цепочкой административных решений.

4. Административный потенциал ведущих университетов. Ранее проведенный анализ показал, что имеется явная корреля-

ция между общественной популярностью (РУУСС), престижностью (ЕГЭ-рейтинг) и академической результативностью (АР) вузов. Между тем главный вопрос состоит в выявлении того, что лежит в основе всех этих явлений. Нам необходимо выяснить, что именно стоит за разными видами успехов высших экономических школ страны. Для этого рассмотрим табл. 9, в которой зафиксировано наличие (отсутствие) шести видов статусов вузов-лидеров, которые действуют сегодня в России. При этом нами используется следующая аббревиатура для рассматриваемых административных статусов: ВКУ – ведущий классический университет; НИУ – национальный исследовательский университет; УПП – университеты, производившие поглощения; ОАС – особый административный статус (наличие подчинения правительству или президенту России, а также подчинение сильному министерству); ФДУ – федеральный университет; МОЦ – мировой образовательный центр (т. е. вузы, получившие статус «ведущий университет России») и претендующие на вхождение в топ-100 глобальных рейтингов университетов). Все статусы жестко закреплены и предполагают не только серьезное административное «прикрытие», но и серьезное дополнительное финансирование. Особо следует оговорить только статус вузов, производивших слияния и поглощения, т. к. этот факт формально нигде не фиксируется, однако сама по себе подобная процедура возможна только с разрешения высших властей и в этом смысле сама по себе говорит о высоком положении университет в бюрократической иерархии. В табл. 9 специально отмечено наличие/отсутствие социальной (экономической) специализации вуза.

Табл. 9 дает довольно четкое картографирование статусно-бюрократического ландшафта передового эшелона рынка высшего образования. Даже такое представление статусов позволяет убедиться в том, что они имеют самое непосредственное отно-

шение к успеху университетов. Например, особое положение ВШЭ на рынке российского образования может быть объяснено тем обстоятельством, что из шести возможных административных статусов она имеет четыре, что является абсолютным рекордом. Вполне очевидна и роль профессиональной специализации вузов – те из них, которые ориентированы на социальные науки, выигрывают в рыночной конкуренции, обходя даже самые сильные классические университеты.

Тем не менее качественная характеристика административного университетского ландшафта не позволяет утверждать, что в основе природы успеха вузов лежит их

статусный потенциал. Для этого необходимо произвести хотя бы самую грубую оцифровку явления. Воспользуемся подходом, в соответствии с которым *ценность (сила)* каждого административного статуса обратно пропорциональна его *редкости*. Иными словами, чем меньшее число вузов получает какой-то статус, тем более дефицитным и более значимым он является. Число носителей статусов и соответствующие весовые коэффициенты приведены в табл. 10⁷.

Предложенный подход позволяет построить индекс административного потенциала (ИАП) каждого вуза. Для этого необ-

⁷Для УПП и ОАС взято условное (примерное) число, т. к. строгой статистики таких вузов нет.

Таблица 9

Статусы ведущих экономических вузов России (2010–2013 гг.)

Ранг	Университет	Статус						Соц. специализация
		ВКУ	НИУ	УПП	ОАС	ФДУ	МОЦ	
1	ВШЭ		+	+	+		+	+
2	МГУ	+						
3	МГИМО				+			+
4	РАНХиГС			+	+			+
5	ФУ			+	+			+
6	ГУУ							+
7	СПбГЭУ			+				+
8	РЭУ			+				+
9	СПбГУ	+						
10	НГУ		+				+	
11	ЮФУ			+		+		
12	УрФУ			+		+	+	
13	РГСУ							+
14	НГТУ							
15	КФУ			+		+	+	
16	РИНХ							+
17	ВГУ							
18	КемГУ							
19	НижГУ		+				+	
20	РУДН							+

Таблица 10

Ценность и весовые коэффициенты статусов вузов

Статус	ВКУ	НИУ	УПП	ОАС	ФУ	МОЦ
Число вузов	2	29	20*	4*	9	14
Весовой коэффициент	0,491	0,033	0,049	0,245	0,109	0,070

* примерная оценка.

ходимо воспользоваться простой вычислительной процедурой.

Во-первых, надо вычислить сравнительную ценность (полезность) каждого статуса по формуле:

$$u_i = 1/[x_i / \min(x_i)], \quad (1)$$

где x_i – число вузов i -го статуса; m – число статусов (в нашем случае $m = 6$).

Во-вторых, вычисляются весовые коэффициенты статусов:

$$z_i = u_i / \sum_{i=1}^m u_i \quad (2)$$

В-третьих, рассчитывается ИАП J :

$$J = \left(\sum_{i=1}^m z_i \delta_i \right) 100\%. \quad (3)$$

где δ_i – логическая переменная:

$$\delta_i = \begin{cases} 1, & \text{если признак (статус) присутствует (+);} \\ 0, & \text{если признак (статус) отсутствует (-).} \end{cases} \quad (4)$$

Результаты расчетов ИАП по формулам (1)–(4) приведены в табл. 11.

Построенный ИАП позволяет более строго ответить на вопрос о наличии связи научной результативности вузов с их «весом» в бюрократической системе высшего образования. Для этого достаточно рассчитать коэффициент корреляции между ИАП и скорингом АР. Для более полной картины целесообразно еще оценить и связи между ИАП с ЕГЭ-рейтингом и скорингом РУУСС. Результаты расчетов приведены в табл. 12 (K – коэффициент корреляции).

Анализ показывает, что все коэффициенты корреляции значимы, следовательно, административный ресурс вузов «переливается» во все остальные формы успеха – общественную репутацию (ЕГЭ), общественный интерес (РУСС) и академическую активность (АР). Однако центральным фактом для нас в данном исследовании

Таблица 11

Административный рейтинг и индекс административного потенциала российских вузов (2012 г.)

Номер	Университет	АР, в процентах	ИАП, в процентах
1.	ВШЭ	100,0	39,9
2.	МГУ	83,0	49,1
3.	МГИМО	76,5	24,5
4.	РАНХиГС	74,1	29,5
5.	ФУ	71,5	29,5
6.	ГУУ	63,0	0,0
7.	СПбГЭУ	58,9	4,9
8.	РЭУ	52,9	4,9
9.	СПбГУ	49,3	49,1
10.	НГУ	47,3	10,4
11.	ЮФУ	38,5	15,8
12.	УрФУ	38,2	22,9
13.	РГСУ	37,8	0,0
14.	НГТУ	37,3	0,0
15.	КФУ	33,6	22,9
16.	РИНХ	32,3	0,0
17.	ВГУ	32,3	0,0
18.	КемГУ	31,9	0,0
19.	НиЖГУ	27,1	10,4
20.	РУДН	26,2	0,0

является тот вывод, что статусно-бюрократический потенциал вуза способен перерождаться в творческую активность его сотрудников (АР). Здесь сразу напрашивается аналогия с эпохой СССР, когда в условиях жесткого идеологического давления и милитаризации экономики процветали наука и искусство. По-видимому, сегодня в России реализуется ставшая для нее уже традиционной модель государственной поддержки полезных видов деятельности.

Углубляя представления о связи между академическими результатами и статусным потенциалом вуза, можно построить линейную регрессию между соответствующими двумя показателями:

$$R = 37,913 + 0,807J, \quad (5)$$

(5,138)   (0,226)

$$N = 20; R^2 = 0,414; F = 12,74,$$

где R – скоринг вуза в АР; J – значение ИАП вуза; в скобках приведены значения стандартных ошибок коэффициентов регрессии.

Статистические характеристики регрессии (5) в целом удовлетворительны. Тем самым основная гипотеза в очередной раз находит подтверждение: административный потенциал университета порождает его содержательные научно-исследовательские результаты. Более того, согласно зависимости (5) 80 % бюрократического потенциала вуза «переливается» в академические успехи его сотрудников. С определенными оговорками этот факт позволяет говорить о достаточно высокой эффективности реализованной статусно-административной модели успеха российских университетов.

Полученный вывод раскрывает механизм мобилизации государственного уча-

стия в лице нескольких вузов страны с последующим выведением этих вузов на передовые позиции по всем направлениям. Разумеется, такая модель развития сопряжена с маргинализацией всех остальных вузов страны, которые фактически бросаются на произвол рынка, который почти полностью поделен между ведущими университетами.

5. Механизм трансфера административного статуса в творческую активность. Чтобы понять действие статусно-бюрократической модели российских университетов, целесообразно опереться на мнение Дж. Салми, который выделяет три признака университетов мирового класса: *высокая концентрация талантов* (среди преподавателей, студентов и администраторов), *изобилие ресурсов* (финансирование и инфраструктура) и *гибкое управление* (инновационные решения и отсутствие бюрократических преград) [13]. Более того, отличительной чертой элитных вузов выступает умение *эффективно комбинировать* все три фактора успеха.

Надо сказать, что в указанной триаде факторов главенствующую роль занимает избыток ресурсов, без которого нельзя привлечь никакие таланты, как, прочем, и построить эффективную финансовую систему. В этом смысле возникновение избытка ресурсов выступает в качестве первотолчка развития. В связи с этим возникает sacramentalный вопрос: откуда взять этот пресловутый избыток?

Данный вопрос опять-таки имеет явную аналогию с процессом первоначального накопления капитала. Сегодня уже стало общим местом положение, в соответствии с которым никакого справедливого перво-

Таблица 12

Корреляция ИАП с тремя факторами успеха вузов

Изучаемый фактор	$K_{\text{факт}}$	$K_{\text{крит}}$	Уровень значимости (α)	Объем выборки
РУУСС	0,622	0,592	0,02	15
ЕГЭ-рейтинг	0,679	0,678	0,001	20
АР	0,643	0,561	0,01	20

начального накопления капитала не может быть. Но это и не важно. Пусть человек получил этот капитал с помощью грабежа и пиратской деятельности, но впоследствии он пускает его на созидание новых ценностей. В этом и состоит диалектика капиталистического развития. Примерно то же самое мы наблюдаем и при создании университетов-чемпионов. Неважно откуда берутся средства; главное, чтобы они были пущены на стратегические цели.

В развитых странах, где университеты функционируют в жестких рыночных условиях, на первое место выходит фактор построения эффективной системы управления, которая позволяет реализовать стратегию диверсификации источников финансирования [6]. В России наблюдается обратный процесс: государство снабжает деньгами избранные университеты, ставит перед ними стратегические задачи и делегирует им высшее руководство в лице ректора, который обладает практически ничем не ограниченной властью. Ректор, связанный узами личной преданности с центральными органами власти и получивший в свое распоряжение огромные денежные средства, вполне способен выстроить эффективную систему управления, которая обеспечит выполнение ключевых задач, в том числе усиление научной направленности вуза.

Надо сказать, что возникшая статусно-бюрократическая модель успеха российских вузов предполагает самую непосредственную связь административных статусов университетов с их финансовой подпиткой. Например, чтобы войти в пул МОЦ, вуз должен разработать программу повышения конкурентоспособности, оформить ее в виде дорожной карты, которую надо «защитить» перед чиновниками. Если вузу удалось попасть в означенный пул МОЦ, то он подключается к дополнительному источнику финансирования. Так, в 2013 г. 15 вузов, получивших статус МОЦ, получили около 9 млрд рублей, в 2014-м – на реализацию дорожных карт будет перечислено

10,5 млрд; совокупный объем поддержки МОЦ до 2016 г. составит 40 млрд руб. [7]. Учитывая, что в настоящее время насчитывается 14 МОЦ, средний объем полученных каждым МОЦ средств за 4 года составляет 2,86 млрд руб. или 0,71 млрд руб. ежегодно. Такова «цена» статуса МОЦ. Другой пример связан со статусом НИУ: в 2014 г. объем бюджетного финансирования программ развития 15 НИУ составляет 4,3 млрд руб., что означает 286 млн руб. на каждый НИУ [11]. Такова цена статуса НИУ. Совмещение этих двух статусов (МОЦ + НИУ) дает вузу 1 млрд руб. в год. Понятно, что при такой щедрой финансовой подпитке университет способен по всем параметрам радикально оторваться от вузов, не получающих такой помощи.

Таким образом, причинно-следственная цепочка лидерства вузов выглядит следующим образом: делегирование вузу «сильного» ректора, тесно связанного с высшими эшелонами власти; разработка «сильным» ректором программы развития вуза и выбивание для него у властей особых статусов; получение под выбитые статусы дополнительного финансирования; трата денег на стимулирование исследовательской и преподавательской деятельности по повышенным стандартам; отчет ректора перед властными структурами о достижениях вуза; усиление бренда вуза и дальнейшее укрепление личных позиций ректора. Если такая схема обретает стабильность и повторяется в течение многих лет, то результаты могут быть по-настоящему впечатляющими.

Выше мы отнесли к административному статусу такое явление, как слияние и поглощение вузов. Причем наблюдения показывают, что этот способ усиления позиций практиковали в основном вузы социально-го профиля. Кроме того, вузы-агрессоры являлись, как правило, относительно молодыми, а сам процесс слияний был локализован во времени – он длился около 3 лет (2011–2013 гг.). Попробуем объяснить эти факты.

Во-первых, социальные вузы остро нуждались в укрупнении и запуске *эффекта масштаба*. По нашим оценкам, в топ-100 научно-практического рейтинга вузов, основанного на учете их заработков по линии НИР, университеты социального профиля составляют лишь 16 % [12]. Тем самым ясно, что зарабатывать на НИР могут в основном технические вузы. Проведенные расчеты показывают, что, например, средний размер конкурсного «технологического» заказа МГТУ в 12,3 раза больше «социально-экономического» заказа ВШЭ [5]. Иными словами, социальные вузы находятся в невыгодном положении, и им приходится «перенапрягаться» в попытках удерживать лидирующие позиции на рынке НИР. Социальные вузы небольшого размера практически обречены на судьбу периферийных учреждений, постепенно идущих к самоликвидации. Единственным способом воспрепятствовать этой тенденции является укрупнение университетов посредством слияний и поглощений.

Во-вторых, многие молодые вузы еще не достигли размера, когда эффект масштаба проявляется в полной мере. Возраст ВШЭ – 22 года, а нынешнего РАНХиГС – 4 года (но даже с учетом бывшей АНХ – 37 лет). Возраст современного ФУ – 4 года, а если брать в качестве точки отсчета образование ФА с новым статусом «при Правительстве РФ», то 22 года; «полный» возраст вуза с учетом его «родоначальника» в лице МФЭИ – 95 лет, но эта преемственность является весьма условной. Возраст РЭУ – 2 года, его прообраза РЭА – 23 года; остальные предшественники чисто формально связаны с нынешним РЭУ (общая история пертурбаций вуза составляет 107 лет). Все федеральные университеты являются вновь образованными учреждениями, хотя и включают в себя старые вузы страны. Таким образом, все перечисленные социальные вузы находились в стадии становления и нуждались в укрупнении и повышении статуса.

В-третьих, эффект масштаба имеет свои пределы, которые довольно быстро достигаются при укрупнении вуза. Все перечисленные выше университеты уже завершили свое ралли по укрупнению. Интервью с руководящим составом этих вузов показывают, что для них слияния были вынужденной мерой. Потребность в появлении национальных вузов-чемпионов привела к тому, что начал действовать жесткий принцип отбора: либо ты поглощаешь, либо тебя поглощают. Однако уже сегодня, например, РЭУ и РАНХиГС испытывают проблемы с некоторыми присоединенными структурными подразделениями; их довольно сложно «переварить» и включить в эффективную модель вуза. Дальнейшее укрупнение сегодняшних лидеров чревато для них ускоренным ростом издержек, размыванием результатов и потерей эффективности.

Вместе с тем острота борьбы на поле слияний и поглощений остается. Типичным примером таковой может служить попытка поглощения в 2012 г. ГУУ со стороны РАНХиГС. Сама идея такого поглощения возникла из-за административной «незащищенности» ГУУ – это был единственный вуз первой десятки АР, который не имел ни одного бюрократического статуса. Если бы намечавшееся поглощение состоялось, то РАНХиГС получил бы в АР скоринг в 93,8 % и переместился с 4-го места на 2-е, опередив МГУ и МГИМО и вплотную приблизившись к ВШЭ. Тем самым мы видим, как статусные игры на рынке высшего образования могут приводить к серьезной рокировке его игроков. Любопытно, что осознание руководством ГУУ своей «административной неполноценности» привело к тому, что в 2014 г. вуз решил «лечь» под Федеральную службу по финансовому мониторингу. В этом случае ГУУ становится базовым вузом Росфинмониторинга, в составе университета создается специальный институт (факультет) по подготовке специалистов для службы, а ее глава занимает пост президента вуза. Такое «прикрытие»,

по замыслу ректората ГУУ, должно повысить устойчивость вуза при отстаивании своей самостоятельности. Данный пример является яркой иллюстрацией того, какие формы сегодня принимает конкуренция университетов за свое место на рынке высшего образования.

Заключение: усиление дифференциации. Все сказанное выше подводит к тому, что российские вузы уже фактически разделены на несколько конкурентных групп. По аналогии с исследованием [1] можно ввести следующие понятия. «Высшая лига» университетов – 1,5 % от их общего числа. В эту лигу входят ВКУ, ФДУ и ОАС – итого 15 вузов. Данные учреждения имеют *постоянный административный статус*, который не может быть снят или отменен; такое теоретически возможно лишь при чрезвычайных обстоятельствах. «Первая лига» – 4 % от их общего числа. В эту лигу входят примерно 40 вузов со статусом НИУ, МОЦ и УПП. Эти учреждения обладают *временным административным статусом*, который, строго говоря, может быть с них снят в любой момент. «Общая лига» – менее 10 % рынка. Это вузы, не вошедшие в Высшую и Первую лиги, но

вошедшие в топ-100 значимых рейтингов (например, в AP) и тем самым подтвердившие свои претензии на качество обучения и исследований. «Неранжируемые» университеты – более 90 % рынка. Это оставшиеся вузы, которые являются аутсайдерами сферы высшего образования. Их судьба в условиях бюджетных рестрикций незавидна, и, скорее всего, они будут конкурировать между собой за право остаться на рынке.

Статусно-бюрократическая модель успеха вузов обусловлена тем фактом, что в стране частного рынка научных исследований и обучения как таковых до сих пор нет. Получение вузами коммерческих исследовательских заказов от негосударственных структур является практически нереальным. Рынок предоставления частных образовательных услуг также фактически отсутствует и работает только в жесткой связке с «торговлей дипломами» государственного образца. В связи с этим в среднесрочной перспективе (до 10 лет) конкуренция за качество образования развернется только между университетами Высшей и отчасти Первой лиги; остальные вузы будут просто стараться выжить.

Список использованных источников

1. Абламейко С.В., Гусаковский М.А. Участие университетов в мировых рейтингах как фактор повышения качества подготовки специалистов // Высшее образование в России. 2013. № 5.
2. Академический рейтинг экономических вузов России // Капитал страны. 17.06.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/232932/>.
3. Балацкий Е.В. Административная конкуренция на российском рынке высшего экономического образования // Экономика образования. 2013. № 4.
4. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Академическая результативность высших экономических школ России // Капитал страны. 17.06.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/232936/>.
5. Балацкий Е.В., Сергеева В.В. Научно-практическая результативность российских университетов // Вопросы экономики. 2014. № 2.
6. Кларк Б.Р. Поддержание изменений в университетах. Преимущество кейс-стади и концепций. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
7. Коваленко А. Тест для избранных // Эксперт-Урал. 2014. № 15 (596). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://expert.ru/ural/2014/15/test-dlya-izbrannyih/>.
8. НГУ в региональных лидерах по популярности в социальных сетях //

- Сайт Новосибирского государственного университета, 18.04.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nsu.ru/exp/2014/4/18/ngu_v_regional_nyh_liderah_po_populyarnosti_v_social_nyh_setyah.
9. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.
  10. Образовательные организации высшего образования // Сайт Росстата. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm.
  11. О федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 годы и внесении изменений в федеральную целевую программу «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы // Постановление Правительства РФ № 424 от 21.05.2013. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/41d467e75ea42b9d1b10.pdf>.
  12. Рейтинг научно-практической результативности российских вузов // Капитал страны. 11.12.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/240296/>.
  13. Салми Дж. Создание университетов мирового класса. М.: Издательство «Весь Мир», 2009.
  14. Соревнование вузов за абитуриентов в соцсетях // Сайт Integrum.ru. 16.04.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://index.integrum.ru/social>.